

ВОСПОМИНАНІЯ ИВАНА АЛЕКСАНДРОВИЧА ГОЛЫШЕВА

1838 — 1878.

Самый существенный, основной отдѣлъ программы нашего изданія составляютъ, какъ извѣстно читателямъ, — дневники, записки и воспоминанія русскихъ дѣятелей, свискавшихъ ту или другую извѣстность на всѣхъ поприщахъ ихъ общественной дѣятельности. Въ теченіе десяти лѣтъ на страницахъ «Русской Старины» были напечатаны записки и воспоминанія: Н. К. Айвазовскаго, Я. П. Бакланова, Д. Н. Бавтышъ-Каменскаго, М. А. Бестужева, А. Т. Болотова, свящ. Іоанна Виноградова, А. Л. Витберга, М. Гарновскаго, А. А. Генрицы, М. И. Глинки, Н. И. Греча, А. К. Грѣббе, Грубера, Д. В. Давыдова, княгини Е. Р. Дашковой, А. К. Денисова, Г. И. Добрынина, И. И. Европеуса, И. С. Жиркевича, пастора Зейдера, В. Н. Зиновьева, В. А. Инсарскаго, П. А. Каратыгина, К. П. Колзакова, В. К. Кюхельбекера, Н. Г. Левшина, С. И. Маевского, И. Меншова, И. Мигрина, П. Назарова, артистки Л. П. Никудиной-Косицкой, М. Ф. Орлова, гр. Д. Е. Остенъ-Сакена, Т. П. Пассекъ, А. А. Панаева, А. Е. Попова, О. А. Пржецлавскаго, сенатора П. С. Рушча, В. В. Самойлова, И. И. Свѣзева, К. С. Сербиновича, Ф. Г. Солнцева, А. Н. Струговщикова, Э. И. Стогова, А. С. Стурдзы, А. Н. Сѣрова, Л. А. Сѣрякова, Д. К. Тарасова, графа Ф. П. Толстаго, Ф. М. Толстаго, князя Н. Ю. Трубецкаго, А. Ф. Ушакова, Г. П. Чернышева, кн. М. М. Щербатова, и друг. Въ этой библиотекѣ записокъ и воспоминаній русскихъ дѣятелей, со времени Петра Великаго до нынѣшняго царствованія, видимъ представителей всѣхъ сословій: отъ фельдмаршала—до рядоваго, отъ царедворца—до монаха, отъ знаменитаго художника—до смиреннаго труженника, тернистымъ путемъ достигшаго извѣстности.

Обиліе матеріаловъ по отдѣлу записокъ и воспоминаній заставляетъ насъ въ теченіе года начинать иногда одновременно печатаніе нѣсколькихъ мемуаровъ, при чемъ, разумѣется, нѣтъ физической возможности оканчивать начатое въ двѣнадцать книгъ ежегоднаго изданія. Но, имѣя въ виду эту необходимость, мы всегда старались и стараемся заканчивать каждый рядъ печатаемыхъ главъ какою либо опредѣленною эпохой. Какъ историческая энциклопедія—«Русская Старина» не можетъ подчиняться правиламъ литературныхъ періодическихъ изданій, которыя для удобства читателей стараются не переносить окончанія статей съ одного года на другой. Въ распоряженіи редакціи находятся мемуары нѣкоторыхъ русскихъ дѣятелей, состоящіе изъ нѣсколькихъ томовъ: возможно-ли оканчивать печатаніе подобныхъ историко-литературныхъ памятниковъ въ одинъ годъ, безъ ущерба прочимъ отдѣламъ нашей программы, безъ увеличенія самаго объема нашего изданія вчетверо?

Нынѣ представляемыя вниманію читателей «Русской Старины» «Воспоминанія И. А. Голышева» — принадлежатъ перу бывшаго крѣпостнаго крестьянина, который, благодаря неослабному своему терпѣнію, любознательности и жаждѣ знанія — почетный гражданинъ и членъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ ученыхъ обществъ. Этотъ скромный дѣятель на попріи отечественной археологій—живое доказательство той несомнѣнной и отрадной истины, что въ народной массѣ отечества нашего не оскудѣваютъ источники тѣхъ нравственныхъ силъ, представителями которыхъ, у насъ въ Россіи, были Посошковы, Ломоносовы, Кулибины, Слѣпушкены, Кольцовы, Никитины и многіе другіе. Ред.

I.

Голышевы. — Александръ Голышевъ. — Мое рожденіе. — Учлище. — Промыслы отца. — Литографъ Лилъе. — Рисовальная школа. — Первый опытъ литографіи. — Выходъ изъ школы. — Страсть къ естествознанію. — Ненависть раскольниковъ. — Освобожденіе отъ рекрутчины.

1838—1856.

Родъ Голышевыхъ одинъ изъ старинныхъ во Владимірской губерніи. Наслѣдственнымъ занятіемъ ихъ было иконописаніе, существующее съ давнихъ временъ въ древней Суздальской области. Въ выписи изъ переписныхъ Владимірскихъ книгъ 1646 года, въ числѣ сторожей при церкви во Владимірѣ упоминается Олешка Емельяновъ сынъ Голышевъ съ сыномъ Гришкою ¹⁾); означенный сынъ Григорій, вѣроятно изучивъ во Владимірѣ иконописаніе, переселился

¹⁾ Владимір. Губерн. Вѣдом., № 8, 1878 г.

въ сл. Мстеру ¹⁾ въ 1718 году. Въ старинныхъ актахъ упоминается въ числѣ трехъ иконниковъ Григорій Голышевъ, который, при княгинѣ Настасѣ Борисовнѣ Ромодановской, работалъ въ придѣлѣ иконостасъ ²⁾. Далѣе упоминались: въ 1732 году Иванъ Семеновъ Голышевъ; въ 1737 году Александръ Семеновъ Голышевъ; въ 1741 году Михайло Семеновъ Голышевъ; въ 1743 году Семень Григорьевъ Голышевъ ³⁾. Въ концѣ минувшаго столѣтія принадлежалъ къ лучшимъ мастерамъ иконописи и особенно по финифти единственный мастеръ Козма Ивановъ Голышевъ, умершій скоропостижно въ 1826 году. Преемникомъ его по иконописанію, и частію по живописи масляными красками на деревѣ и полотнѣ, былъ крестьянинъ слободы Мстера (вотчины графа Виктора Никитича Панина) Александръ Козмичъ Голышевъ, родившійся въ 1805 году. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ былъ избранъ крестьянскимъ обществомъ въ сельскіе (по тогдашнему земскіе) писаря, и въ этой должности прослужилъ 10 лѣтъ. Послѣ былъ избранъ въ бурмистры и эту службу проходилъ три года. Ревностный поборникъ православія и преслѣдователь раскола, бывшаго въ большихъ размѣрахъ въ сл. Мстерѣ, онъ все время общественной своей службы заботился объ огражденіи православныхъ, и о преслѣдованіи раскола; но происки и деньги превозмогли: Александръ Козмичъ былъ удаленъ отъ общественныхъ должностей, и принялся за обычное свое занятіе—иконопись.

Въ 1838 году 14-го іюня, родился у него сынъ Иванъ, пишущій эти строки. Грамотѣ обучался я въ приходскомъ сельскомъ училищѣ, въ которомъ преподавателями были приходскій священникъ, дьяконъ, и еще старикъ заштатный священникъ, замѣнявшій молодаго своего родственника. Обученіе было, по тогдашнему времени, самое незавидное: церковною или славянскою азбукою, часословомъ и псалтырью ограничивалась словесность; письмо, гусиными перьями, малолѣтки 7—8-ми и не болѣе 10-ти лѣтъ выводили каракулями; тѣмъ и

¹⁾ Слобода Мстера, Вязниковскаго уѣзда Владимірской губерніи, прежде состояла въ Суздальскомъ уѣздѣ, была царскою собственностью, потомъ пожалована князю Ивану Ѳеодоровичу Ромодановскому; въ ней были два монастыря, мужской и женскій, на содержаніи его рода; князь Михаилъ Григорьевичъ съ семействомъ погребенъ въ здѣшнемъ храмѣ; названіе имѣло это мѣстечко Боговленскою слободою на рѣкѣ Мстерѣ, а послѣднее дано отъ рѣки.

²⁾ Владимір. Губер. Вѣдом., № 27, 1871 г. Ежегодникъ Владимір. Статистич. Комит. Суздальская Иконопись, т. I, вып. I, стр. 216.

³⁾ Владимір. Губер. Вѣдом., № 22, 1873 г. Ежегодникъ Стат. Комит., т. I, вып. I, стр. 216.

оканчивался курсъ ученія. Объ ариѳметикѣ, о грамматикѣ не было помину, и только весьма рѣдко, по вечерамъ, мы слышали рассказы священника изъ ветхаго и новаго завѣта. Возвращаясь изъ училища домой, я, подъ руководствомъ отца, занимался рисованіемъ на бумагѣ, растираніемъ для него краски, писаніемъ образовъ на стеклѣ и на доскахъ; но это обученіе не знакомило меня съ правилами рисованія. Не легко было отцу, послѣ общественной должности, приниматься опять за свое ремесло, скудно вознаграждающее семейную жизнь: дѣтей у него было 5 человекъ, работникъ же онъ одинъ, а потому онъ и прибѣгалъ къ разнымъ способамъ промышленности, чтобы удобнѣе обезпечить семейный бытъ. Вздумалъ-было писать образа на стеклахъ для сбыта торговцамъ-офенямъ, но это не много дѣлало подспорья. Устроилъ-было косметическое заведеніе, для выдѣлки помады, духовъ, мыла, курительныхъ свѣчекъ и т. п., что и работалось своей семьей, но и это производство не усовершенствовалось. Это ремесло сблизило его съ Москвою, которая была ему знакома и прежде по дѣламъ службы въ бытность его бурмистромъ, такъ какъ прежній помѣщикъ, предшественникъ графа В. Н. Панина, генералъ И. В. Тутолминъ проживалъ въ Москвѣ. Теперь сношенія отца съ столицею стали по производству и закупкѣ матеріаловъ. Свои косметическія издѣлія онъ продавалъ тѣмъ же офенямъ, вмѣстѣ съ галантерейными мелочными товарами. Торговля эта шла не особенно прибыльно и оборотъ былъ самый малый.

У отца была страсть ко всякимъ нововведеніямъ. Въ Москвѣ онъ натолкнулся на производство свѣтописи, называвшееся тогда дагерротипомъ. Изучивъ поверхностно это дѣло и обзаведясь снарядами, отецъ разѣзжалъ по сосѣднимъ городамъ и снималъ портреты. Неудачные опыты и плохое вознагражденіе за трудъ заставили отца бросить и эту попытку, которая стоила ему не мало времени и издержекъ. Присовѣтовали ему добрые люди заняться какимъ нибудь промысломъ въ нашей Мстерѣ—торговомъ офенскомъ мѣстечкѣ—и указали на торговлю народными книжками и картинками, которыя въ большемъ ходу у офеней. Московскіе издатели народныхъ произведеній печати открыли ему небольшой кредитъ и эта торговля, около 1846 года, начала помаленьку развиваться. При этомъ въ то же время отецъ обратилъ вниманіе на раскраску дубочныхъ картинокъ. Сношенія съ Москвою дѣлались болѣе и чаще; картинки въ видѣ опыта онъ привозилъ нераскрашенными, и при содѣйствіи своихъ дочерей-дѣвицъ сталъ вводить эту раскраску въ Мстерѣ. Это занятіе приняло у насъ промышленный характеръ для женскаго пола.

Дѣтскій возрастъ мой въ средѣ крестьянскихъ дѣтей былъ неза-

виденъ, но отецъ, какъ одного сына, дѣлѣялъ меня; отъ рожденія слабый здоровьемъ, я немало доставлялъ заботъ моему отцу. Любя собирать травы и растенія и немного знакомый съ медициною, онъ принималъ дѣятельныя мѣры къ сбереженію моего здоровья; особенно помню, когда я болѣлъ глазами и корью вмѣстѣ съ золотухою. Около года я не видѣлъ божьего свѣта, и окончательное излеченіе оказано мнѣ было въ Москвѣ, въ глазной больницѣ; однакоже, одинъ глазъ остался неизлечимымъ и неспособнымъ къ занятіямъ на всю жизнь.

Когда мнѣ минуло 11 лѣтъ, отецъ мой познакомился въ Москвѣ съ литографомъ Э. Лилъе, у котораго онъ покупалъ картины. Лилъе посовѣтовалъ отцу отдать меня учиться въ Москву и обѣщавъ постараться о моемъ опредѣленіи во 2-ю рисовальную школу, учрежденную графомъ Строгановымъ, въ которой самъ литографъ Лилъе обучался и находился въ близкихъ отношеніяхъ съ директоромъ школы Гальфторомъ. Отецъ не замедлилъ воспользоваться такимъ предложеніемъ, взявъ меня съ собой въ Москву. Я съ большою охотою отправился, не взирая на слезы матери, сестеръ и родныхъ; всѣмъ казалось страннымъ, что отецъ единственнаго сына отправляетъ на чужую сторону. Большинство осуждало и насмѣхалось. По прибытіи въ Москву, отецъ оставилъ меня у Лилъе. Это было въ іюлѣ 1849 года. Представили меня директору рисовальной школы, и онъ обѣщавъ послѣ лѣтнихъ каникулъ принять меня. У Лилъе я пробылъ недолго. Онъ заставлялъ меня не столько учиться рисованію, сколько бѣгать на посылкахъ. Въ это же время я ходилъ, съ письмами отъ отца, къ разнымъ картиннымъ мастерамъ. Пріютили-было меня въ другомъ заведеніи—Глушкова, но и тамъ я пробылъ недолго; отсюда попалъ я въ заведеніе металлографіи Лаврентьевой. Содержатели его, братъ-холостякъ и сестра, оба пожилыхъ лѣтъ, очень полюбили меня и перевели на житье къ себѣ. Хотя они жили въ четырехъ или пяти верстахъ отъ школы, но я охотно остался у нихъ. Въ школѣ я былъ опредѣленъ въ 1-й классъ; плата полагалась 9 руб. въ годъ съ ученика, но за содержаніе мое у Лаврентьевой отецъ ничего не платилъ, такъ какъ покупалъ у нея картинный товаръ, да и по любви ко мнѣ Лаврентьевы не хотѣли брать денегъ. Школу, первое время, я посѣщавъ аккуратно, не пропуская ни одного класса. Такъ какъ я нѣсколько былъ знакомъ съ рисованіемъ, то скоро былъ переведенъ во 2-й классъ. пробывъ въ первомъ не болѣе года. Здѣсь я ознакомился со многими учениками, старался узнать какая у cadaго изъ нихъ будущность. Товарищи оказались тоже крѣпостными крестьянами помѣщика Гардифа. По достаточномъ обученіи или по окончаніи курса, они должны были поступить на фарфоровую и фаянсовую фабрики ихъ по-

мѣщика, для производства работъ. Были еще и другіе ученики, также отданные въ ученіе помѣщиками. Со всѣми съ ними обращались грубо у помѣщика и не менѣе строго въ школѣ. Побои, пинки, подзатыльники серебряною табакеркой, стрижка волосъ, въ насмѣшку, съ лысыми и розги—въ то время были въ ходу и въ школѣ и внѣ школы. Ко мнѣ директоръ относился благосклоннѣе и снисходительнѣе нежели къ другимъ ученикамъ. Отецъ нерѣдко посылалъ ему подарки; можетъ быть, поэтому-то я и пользовался его благосклонностью. Узналъ я также, что по окончаніи полного курса не могу получить диплома или аттестата, который избавилъ бы меня отъ податнаго состоянія. Аттестатами удостоивали лишь тѣхъ учениковъ, которымъ помѣщикъ давалъ вольную; всего же чаще случалось, что ученикъ, окончившій курсъ, обращаясь къ помѣщику за отпускной, вольной не получалъ, а оставался у помѣщика. Здѣсь ему приходилось исполнять художественныя прихоти барина и всю жизнь влечить въ качествѣ двороваго, да такъ и гибнуть съ своими талантами, отнятыми властною рукой помѣщика. Все это тяжелымъ камнемъ отзывалось во мнѣ: мнѣ было извѣстно, что помѣщикъ нашъ никого на волю не отпускалъ, а я не видѣлъ исхода къ освобожденію и школьныя мои занятія не обѣщали принести мнѣ существенной пользы. На родину я пріѣзжалъ разъ въ годъ, во время лѣтнихъ каникулъ, съ іюня по сентябрь. Ради сбереженій денегъ, часто приходилось путешествовать на долгихъ, т. е. при возахъ съ товарами. Такіе переѣзды изъ Москвы за 300 верстъ совершались съ недѣлю времени; иногда приходилось трястись на задкахъ или передкахъ рядомъ съ ямщиками бывшихъ тарантасовъ. На каникулы я бралъ изъ школы оригиналы, съ которыхъ и рисовалъ; кромѣ того, у меня была страсть къ рисованію съ природы деревьевъ и видовъ. Часто цѣлые лѣтніе дни я проводилъ за такою работою. Такъ какъ я жилъ постоянно въ Москвѣ, то отецъ мой чрезъ нѣкоторое время сталъ давать мнѣ порученія по своимъ торговымъ дѣламъ. Классы были только съ 8-ми до 12-ти часовъ утра; остальное время было свободно. Пользуясь имъ, я доставлялъ книгопродавцамъ и картинщикамъ письма, заказы и деньги; извозчики отъ отца привозили ихъ, а потомъ забирали товаръ и отправлялись обратно. По этой части я отдавалъ отчеты отцу. Школьныя занятія, при моемъ отчаяніи получить аттестатъ, мнѣ опостылѣли; меня постоянно тревожила мысль, что я попаду въ дворню къ барину и попаду на чужую сторону. При всемъ томъ и при малыхъ успѣхахъ въ рисованіи я былъ переведенъ въ 3-й классъ, на акварельныя работы. Не задолго передъ тѣмъ меня очень занимало литографическое производство. Въ то время литографій было очень не много; производство это въ рукахъ печат-

никовъ и содержателей держалось въ секретѣ, мнѣ же хотѣлось непременно изучить литографическое искусство. Обратиться съ просьбой къ моему покровителю Лилъе я боялся, чтобы онъ не разрушилъ моихъ плановъ. Камня взять было неоткуда—я даже и не зналъ, гдѣ его можно купить. Въ заведеніи у Лаврентьевой была металлографія, но о литографіи въ немъ не имѣли понятія. Я просилъ промотавшихся литографовъ и печатниковъ, чтобы дали они мнѣ руководство и достали литографическій камень; но они нѣсколько разъ меня обманывали, пользуясь данными имъ деньгами. Спрашивая по разнымъ мѣстамъ литографическихъ камней, я наконецъ нашелъ въ одной лавкѣ такой камень. Отшлифовавъ его какъ нужно по наученію мелкой руки печатниковъ, я принялся рисовать на немъ картинку: Іовъ на гноищѣ; кончилъ, захотѣлъ оттиснуть... но увь! камень оказался не литографическій, а «дикарь», или плита для краски! Въ досадѣ я разбилъ его въ дребезги.... Наконецъ, мнѣ растолковали, что настоящіе камни можно купить только въ иностранной конторѣ, что я немедленно исполнилъ; но сколько ни рисовалъ—все неудача. Одинъ литографъ разъяснилъ мнѣ наконецъ, что дѣло состоитъ въ хорошей шлифовкѣ камня. Онъ вышлифовалъ и приготовилъ мнѣ камень, и я сдѣлалъ на немъ рисунокъ: «проспектъ семи башенъ въ Константинополѣ». Для подписи потребовался другой мастеръ, который за деньги сдѣлалъ и это; затѣмъ я узналъ, что, кромѣ карандаша, существуетъ еще химическая тушь; нужно было вытравить кислотой и оттиснуть; это было сдѣлано однимъ печатникомъ-литографомъ. Тогда, по небольшому распространенію литографнаго дѣла, много значила вытравка рисунковъ; при неумѣннѣ могъ окончательно испортиться и хорошій рисунокъ. Я былъ въ восторгѣ, когда принесли мнѣ отпечатокъ, хотя онъ, какъ первый опытъ, не заключалъ въ себѣ ничего особеннаго. Это было въ 1853 году. Три года обученія въ школѣ ознакомили меня съ ценсурными правилами. Неоднократно для моей хозяйки носилъ я въ цензуру картинку и получалъ ихъ обратно, ѣзжалъ и въ Троицкую лавру въ духовную цензуру. Я чрезвычайно былъ доволенъ, когда на нарисованныхъ мною оригиналахъ по ея заведенію была вырѣзана подъ гравюрами на мѣди моя фамилія. Особенно я помогалъ хозяйкѣ по смерти брата ея, умершаго въ 1850 году, въ нашемъ домѣ въ сл. Мстерѣ, проѣздомъ на ярмарку въ сл. Холуй. Теперь мнѣ хотѣлось съ рисунка сдѣлать побольше отпечатковъ и послать отцу. Оригиналъ былъ проценсурованъ; я купилъ бумаги и отдалъ отпечатать $\frac{1}{2}$ стопы въ одной вновь открывшейся литографіи; но отъ Лилъе я все это почему-то скрывалъ, какъ-бы предугадывая его недовольство, когда онъ узнаетъ о моей попыткѣ къ литографіи. Кар-

тинки отпечатали, но ценсура выпускной билетъ не выдала, за неозначеніемъ фирмы литографіи. Фирму же этого заведенія показать было нельзя, ибо она существовала подъ вѣденіемъ военнаго госпиталя и не имѣла официальнаго права печатать на частныхъ лицъ¹⁾. Я находился въ затруднительномъ положеніи: ценсура не даетъ билета, а безъ него изъ литографіи не даютъ отпечатанныхъ картинъ и камня. Какъ ни неприятно мнѣ было, но я отправился къ Лилѣ просить согласія показать фирму его заведенія на десяти экземплярахъ, нужныхъ для ценсуры. Онъ согласился, указана была его литографія, билетъ я получилъ, а также картины и камень изъ литографіи.

Этотъ первый опытъ въ литографіи имѣлъ печальныя послѣдствія; вскорѣ я видѣлъ Лилѣ у директора школы, который сталъ относиться ко мнѣ суровѣе прежняго, и перемѣстилъ меня опять во 2-й классъ. Это обстоятельство окончательно охладило во мнѣ охоту заниматься въ школѣ. Прежняя мысль обуяла меня, что, при посредствѣ школьныхъ занятій, я не миную попасть на барскій дворъ, а свободы не получу. Не сказавъ никому и не простясь съ директоромъ, я пересталъ ходить на занятія, бросилъ ученье, и меня исключили какъ негоднаго ученика. Отецъ мой былъ недоволенъ моимъ поступкомъ, но все же ничего со мной не сдѣлалъ, только пригрозилъ всякими неприятностями. Прилежно занимаясь литографнымъ дѣломъ, я остался въ Москвѣ. Черезъ нѣкоторое время перешелъ жить въ литографію одного небогатаго гравера; покупалъ камни, рисовалъ на нихъ, и платилъ только за отпечатаніе съ сотни картинокъ. Независимо отъ своей рисовки, отдавалъ рисовать и другимъ мастерамъ, и отпечатанныя картины посылалъ отцу на продажу. Въ то же время я исполнялъ торговыя порученія отца. Помню мою радость, когда я однажды продалъ нѣсколько сотенъ своихъ картинокъ петербургскому торговцу Апраксина двора; это было въ 1854—1855 годахъ, во время крымской войны и кончины государя императора Николая Павловича, когда на «современныя» картинки возрастало требованіе. Меня не покидала мысль объ основаніи литографіи въ слободѣ Мстерѣ, куда я часто прѣзжалъ изъ Москвы. Земляки смотрѣли на меня какъ-то недружелюбно и даже съ презрѣніемъ; потому ли,

¹⁾ Я помню тогда, при строгости московскаго губернатора графа А. А. Закревскаго, очень мало давали дозволеній на печатныя заведенія, и потому продавали прежде-полученное право или разрѣшеніе, за дорогія деньги, вмѣстѣ съ заведеніемъ. Эта литографія подъ видомъ казенныхъ работъ, которыя печатали безплатно, принимала и частныя заказы—армяковъ и этикетовъ и т. п.—лишь бы пользоваться правомъ имѣть заведеніе. И. Г.

что я былъ бойчѣ ихъ дѣтей, одѣвался прилично по городскому, или просто изъ зависти, такъ какъ я первый изъ нашихъ крестьянъ, не имѣя порядочнаго состоянія, получилъ, хотя и крайне поверхностное, образованіе въ Москвѣ, занимался то рисованіемъ съ натуры, то возился съ самодѣльною электрическою машиною. Къ естественнымъ наукамъ у меня, какъ и у моего отца, была страсть, и собрано у насъ было немало разныхъ физическихъ снарядовъ: барометръ, термометръ, зрительныя трубы, камера-обскура, волшебный фонарь, китайскій фейерверкъ, китайскія тѣни, астролябія и проч. Я изучалъ и землѣрїе съ нѣкоторыми знакомыми землѣрами по астролябіи и бусоли, но, по незнанію ариметики, не много успѣлъ; читалъ лечебники и, подѣ руководствомъ отца, оказывалъ медицинскія пособія крестьянамъ, разумѣется, безденежно; перегонялъ чрезъ кубикъ розовую и черемуховую воду для глазъ, собиралъ насѣкомыхъ и бабочекъ, также воспитывалъ нѣкоторыхъ птицъ: филиновъ, совъ, цаплей, журавлей и орловъ, и звѣрей: барсуковъ, горностаевъ, зайцевъ, бѣлокъ и т. п.; водились живыми же въ бутылкахъ ужи, ящерицы, и проч.; кто бы и гдѣ ни поймалъ какую либо рѣдкую птицу или звѣрка, живыми или убитыми, приносилъ къ намъ въ домъ. Все это ставило меня какъ-бы выше другихъ молодыхъ людей и возбуждало ненависть. Богачи-раскольники, занимавшіе высшія общественныя должности, порѣшили въ 1856 году (когда мнѣ должно было исполниться 18 лѣтъ) отдать меня въ солдаты, сдѣлавъ изъ нашего семейства тройниковъ: отецъ, его родной братъ, живущій отдѣльно, и я, съ которыхъ не было отправлено рекрутской повинности, общественную же службу отца не принимали въ уваженіе ¹⁾, ибо онъ удаленъ былъ отъ нея съ замѣчаніемъ и неудовольствіемъ помѣщика ²⁾, а потому на мой жребій и выпадала по тогдашнему «крас-

¹⁾ По правиламъ помѣщика, кто прослужилъ три года безпорочно въ общественной службѣ, бурмистромъ или писаремъ, лично освобождался отъ рекрутской повинности.

²⁾ Въ 1844 году помѣщикъ графъ В. Н. Панинъ, писалъ: «Проступки бурмистра Голышева были велики и заслуживали бы примѣрнаго наказанія, а въ особенности за то, что онъ заковалъ самовольно крестьянъ въ желѣза, преграждалъ обиженнымъ принесеніе мнѣ жалобъ; по случаю кончины покойной моей родительницы и по уваженію просьбы всего мірскаго общества, также по сожалѣнію къ семейству Голышева и по уваженію оказаннаго имъ прежде усердія—я его прощаю». И въ 1848 году, по случаю его вмѣшательства въ общественныя дѣла, графъ В. Н. Панинъ предписалъ: «Объявить Голышеву, что онъ не возчувствовалъ какъ слѣдовало снисхожденіе, оказанное ему въ годъ кончины покойной матушки графини Софьи Владиміровны, по ходатайству мірскаго общества, а потому, если въ послѣдствіи дастъ поводъ къ распрямъ, то будетъ удаленъ изъ вотчины».

И. Г.

ная шапка». Все это держалось въ секретѣ, и раскольники злорадно толковали, что-де «московскому школьнику забрѣмъ лобъ». Дѣло объяснилось лишь тогда, когда отецъ мой представилъ въ вотчинное правленіе за меня, какъ одинокого, за четверть рекрута 150 руб. По этому взносу одиночки навсегда лично освобождались отъ рекрутства: денегъ не приняли и участь моя была рѣшена. Тогда отецъ мой со мной вмѣстѣ поѣхалъ въ С.-Петербургъ. Графу В. Н. Панину отецъ мой поднесъ моей работы картину «виды храмовъ слободы Мстеры». Графъ остался доволенъ этимъ рисункомъ, уважилъ просьбу отца и предписалъ въ Мстеру, чтобы деньги за меня были приняты, чрезъ что я и освободился отъ рекрутчины.

II.

Открытіе литографіи въ сл. Мстерѣ.—К. Н. Тиховравовъ.—Приглашеніе въ члены статистическаго комитета.—В. П. Безобразовъ.—Уставная грамота.—Графъ В. Н. Панинъ.—Поѣздка въ Петербургъ.—Комитетъ грамотности.—Рисовальная школа и библіотека въ Мстерѣ.—Пронскіи раскольники.—Медаль.—Поднесеніе моихъ рисунковъ Государю Императору.—Отзывъ академіи художествъ.

1857—1863.

Къ 1857 году у меня набралось до 30-ти литографическихъ камней съ 60-ю рисунками. Въ этомъ году я окончательно переселился жить на родину, чтобы удобнѣе достигнуть цѣли—открыть въ слободѣ Мстерѣ литографію. Отецъ первоначально обратился къ помѣщику о дозволеніи просить разрѣшенія губернатора. Тогда же мнѣ поручилъ мануфактуръ-совѣтникъ вязниковскій купецъ О. О. Сельковъ снять съ натуры и нарисовать видъ гор. Вязниковъ, для начальника губерніи Е. С. Тиличеева; а въ 1858 году, по сношеніи съ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, открытіе литографіи было разрѣшено губернаторомъ на имя отца, такъ какъ мнѣ не было и 20-ти лѣтъ. Сначала я усиленно занимался рисовкою на камнѣ и составленіемъ оригиналовъ для народныхъ картинокъ, а также велъ всю переписку и сношенія по заведенію съ ценсурой и другими учрежденіями; мнѣ хотѣлось еще во всей подробности изучить и химическую часть этого производства, тогда еще мало распространеннаго. Я покупалъ въ Москвѣ рудководства, на иностранныхъ языкахъ, съ которыхъ мнѣ переводили знакомые офицеры квартировавшаго здѣсь полка. Практическими опытами я изучилъ уже нѣкоторыя подробности и разъ, при вареніи химическихъ литографическихъ карандашей, едва не заплатился, отъ воспла-

менившей смѣси селитры съ горючимъ составомъ. Зная по опыту, какіе были въ Москвѣ плохіе рисовальщики, я не хотѣлъ привозить ихъ отсюда, но обратилъ вниманіе на мѣстныхъ иконописцевъ, которые оказались хорошими мнѣ помощниками по рисованію; нѣкоторые, въ послѣдствіи, поступили отъ меня въ заведенія Москвы, получая до 70 и болѣе руб. сер. въ мѣсяцъ. Изъ такихъ нынѣ до десяти человѣкъ проживаютъ въ московскихъ литографіяхъ. Потомъ пріучились къ дѣлу и печатники изъ мѣстныхъ же жителей, и заведеніе литографіи осуществилось. При пяти ручныхъ станкахъ, оно постоянно работало. выпускаемая ежедневно до 3,000 народныхъ картинъ, которыя потомъ раскрашивались дѣвчушками малолѣтняго возраста, бѣдныхъ родителей, что и вошло у насъ въ постоянное занятіе женскаго пола. Болѣе 200 чел. бѣдныхъ семействъ занимаются нынѣ этимъ дѣломъ.

Въ 1859 году проѣзжалъ, для ревизіи губерніи, чрезъ с. Мстеру владимірскій губернаторъ Е. С. Тиличѣевъ, въ сопровожденіи помощника правителя канцеляріи, секретаря статистическаго комитета, и редактора губернскихъ вѣдомостей К. Н. Тихонравова. Губернаторъ остановился у бывшаго уѣднаго предводителя дворянства И. А. Протасьева ¹⁾, въ сосѣднемъ селѣ Татаровѣ, а К. Н. Тихонравовъ изъ любопытства пришелъ пѣшкомъ въ село Мстеру—посмотрѣть литографію и древній Богоявленскій храмъ. Здѣсь я показалъ ему видъ вязниковскаго Благовѣщенскаго монастыря, отпечатанный мною для этой обители безденежно. К. Н. Тихонравовъ говорилъ мнѣ, что хорошо было-бы снять и напечатать видъ Суздальскаго монастыря съ могилой князя Д. М. Пожарскаго ²⁾. Я съ удовольствіемъ послѣдовалъ его совѣту и осенью-же отправился въ Суздаль, снялъ видъ и доставилъ вчернѣ г. Тихонравову. Онъ меня очень обласкалъ, сдѣлалъ надписи къ рисунку и подарилъ свое сочиненіе «Владимірскій Сборникъ», изданный имъ въ 1857 году. Потомъ я нарисовалъ этотъ видъ на камнѣ. Тотъ же К. Н. Тихонравовъ совѣтовалъ мнѣ заниматься рисованіемъ видовъ и другихъ замѣчательныхъ мѣстностей, также не упускать изъ виду и предметовъ древностей. Въ послѣдствіи я сталъ доставлять г. Тихонравову литографированные виды и рисунки. Въ 1861 году я получилъ неожиданно письмо за подписомъ губернатора, въ которомъ, съ увѣдомленіемъ о новомъ положеніи и преобразованіи статистическихъ комитетовъ, у меня спрашивалось: буде я желаю принять званіе почетнаго члена,

¹⁾ И. А. Протасьевъ скончался 11-го января 1875 г.

²⁾ Могила князя Д. М. Пожарскаго открыта въ 1851 году; рисунокъ этотъ приложенъ въ V-му выпуску «Трудовъ Владимирскаго Статистич. Комитета».

то какую могу пожертвовать сумму въ комитетъ? Это первое губернаторское письмо поставило меня въ затруднительное положеніе, по ограниченности средствъ на пожертвованіе. Изъявляя благодарность, я отвѣчалъ, что всякій рисовальный трудъ готовъ исполнить съ усердіемъ; о деньгахъ-же не сказалъ ни слова.

Вслѣдъ за отвѣтомъ губернатору, я поѣхалъ во Владиміръ, чтобы лично объясниться съ К. Н. Тихонравовымъ; къ губернатору я не смѣлъ явиться. Помню, когда, вмѣстѣ съ отцомъ, мы являлись къ нему за разрѣшеніемъ открыть литографію, то долго ожидали въ прихожей, съ многочисленными просителями; лакей, не смотря на присутствіе дежурнаго жандарма, выпросилъ у отца сколько-то денегъ. Вышелъ губернаторъ, съ длинною трубкой во рту, взялъ прошеніе у отца, а я представилъ ценсурованные и съ билетами рисунки, какъ доказательство своихъ начавшихся изданій народныхъ картинокъ. Губернаторъ очень грубо и отрывисто произносилъ: «это дрянъ, это дрянъ!» Я растерялся и не помню, что отвѣчалъ, кажется, что это не относится къ искусству, но губернаторъ много не далъ говорить; послѣ уже, чрезъ другихъ лицъ, ему передано, что моя работа находится у него въ кабинетѣ—видъ гор. Вязниковъ. Этотъ первый приѣмъ произвелъ на меня неутрадное впечатлѣніе: вѣроятно, и успѣху въ дозволеніи и ходатайству у министра внутреннихъ дѣлъ—помогло заранѣе взятое согласіе графа В. Н. Панина. Съ этого времени я боялся губернатора, который чрезъ недолгое время, въ концѣ 1861 года, оставилъ губернію. К. Н. Тихонравовъ, по приѣздѣ моемъ, принялъ меня благоклоннѣе прежняго, и тутъ же передалъ дипломъ на избраніе меня дѣйствительнымъ членомъ комитета, въ собраніи 8-го іюля 1861 года. Я объяснилъ ему, что готовъ служить рисованіемъ, но не перомъ, такъ какъ нигдѣ не учился, не знаю грамматики, не гораздъ писать. На это онъ съ добродушною улыбкой возразилъ: «тамъ увидятъ, когда будешь членомъ статистическаго комитета». Это былъ первый случай избранія изъ крестьянъ въ члены по означенному комитету въ нашей губерніи; впрочемъ, и послѣ того изъ этого слова не было еще членовъ.

Въ этомъ же году проѣзжалъ слободой Мстерой В. П. Безобразовъ. Я былъ съ отцомъ на ярмаркѣ въ слободѣ Холуфъ, гдѣ торговали книгами и картинами. Отецъ мой съ нимъ познакомился здѣсь, а я видѣлся мелькомъ въ своей лавкѣ; въ послѣдствіи мы узнали, что онъ первый печатно упомянулъ о нашей литографіи, въ своихъ путевыхъ запискахъ¹⁾. Это обстоятельство познакомило меня съ В. П. Безобразовымъ,

¹⁾ «Русскій Вѣстникъ», т. 34, 1861 г.

который потомъ состоялъ секретаремъ Императорскаго Географическаго общества.

Отца моего выбрали въ волостные старшины, а, по образованіи волости, предстояла надобность въ составленіи уставной грамоты. При условіяхъ малоземельности, по промышленной мѣстности, всѣмъ хотѣлось знать предварительный проектъ ея, или ознакомиться—на какомъ она должна быть основаніи. Отецъ послалъ меня въ одно имѣніе князя Долгорукаго (въ 50-ти верстахъ отъ сл. Мстеры), въ которомъ знакомый нашъ, бывшій прежде часто въ нашемъ домѣ, И. Я. Дубенскій (онъ до того времени былъ чиновникомъ особыхъ порученій при владимірскомъ губернаторѣ) занимался крестьянскимъ вопросомъ и составлялъ уставныя грамоты по разнымъ имѣніямъ. По этому же предмету онъ пріѣхалъ и въ это село изъ С.-Петербурга, въ которомъ проживалъ, оставивъ службу во Владимірѣ. Г. Дубенскій объяснилъ мнѣ на какихъ условіяхъ должна быть у насъ уставная грамота; составилъ два проекта. Потомъ онъ предложилъ мнѣ принять участіе въ устроившемся въ то время въ С.-Петербургѣ комитетѣ грамотности, по указанію изданій книгъ для народной потребности и сообщать свѣдѣнія по народной книжной торговлѣ. При этомъ г. Дубенскій далъ мнѣ нѣсколько добрыхъ совѣтовъ и уговаривалъ побывать въ С.-Петербургѣ. Въ томъ же 1861 году въ первый разъ пріѣхалъ въ сл. Мстеру графъ В. Н. Панинъ для обзора имѣнія и предложенія условій по уставной грамотѣ. Мстерскіе крестьяне, богатаго состоянія и раскольники, на первыхъ еще порахъ вступленія въ службу отца, относились къ нему недружелюбно; отецъ, въ свою очередь, также воспользовался прежнимъ самовластьемъ и не забывалъ, при всякомъ случаѣ, мстить за его удаленіе отъ должности бурмистра. Поэтому ко всѣмъ его, хотя бы и правильнымъ, нововведеніямъ относились враждебно и къ проектамъ уставной грамоты относились такъ же, не довѣря имъ, въ томъ предположеніи, что, по малоземельности при Мстерѣ, они совсѣмъ не будутъ платить оброка. Для графа В. Н. Панина отецъ постарался сдѣлать самый пышный приемъ. Большія живыя стерляди, хоропія вина и ананасы—были приготовлены на счетъ общества; графъ подарилъ ему за это икону Владимірской Богоматери, въ серебряной вызолоченой ризѣ, и свою фотографическую карточку, а помощнику его—серебряный бокальчикъ. Икона Владимірской Богоматери, по смерти отца, пожертвована мною въ Богоявленскій храмъ на память о Панинѣ. Графъ пробылъ въ Мстерѣ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ три дня. Жители, служація лица, а въ томъ числѣ и я, по пріѣздѣ графа цѣловали его руку и щеку; онъ, послѣ обзора храмовъ, посѣтилъ нашъ

домъ и литографію; также посѣтилъ священнослужителей, и поручилъ мнѣ выслать ему въ С.-Петербургъ оконченный мною тогда рисовкою на камнѣ видъ Суздальскаго монастыря, гдѣ погребенъ князь Д. М. Пожарскій, что мною и было исполнено.

По достаточномъ осмотрѣ имѣнія и угодій, графъ приказалъ собрать сходъ, на которомъ предложилъ крестьянамъ, что онъ желаетъ оставить все существующее въ ихъ пользованіе и на прежнемъ платежѣ оброка, т. е. какъ было до этого времени; крестьяне отвѣчали, что у нихъ мало земли ¹⁾. Графъ обидѣлся и съ сердцемъ отвѣчалъ, что онъ и не нуждается въ ихъ согласіи, а что представить въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, да возьметъ въ свою собственность третью часть удобныхъ и доходныхъ угодій и это будетъ утверждено. Тутъ графъ быстро удалился со схода и приказалъ къ другому дню готовить лошадей для отъѣзда.

Отецъ мой между тѣмъ постарался уговорить и склонить крестьянъ, чтобы они согласились на предложеніе помѣщика, и когда карета была подана къ подъѣзду, крестьяне пали всѣ на колѣни. Графъ, выходя изъ комнаты садиться, спросилъ, что это значить? Крестьяне отвѣчали, что просятъ прощенья за вчерашнее несогласіе. Графъ сказалъ, что они его разстроили; онъ много хотѣлъ говорить, но они огорчили его, и теперь прощаетъ ихъ, а для окончательнаго согласія пришлетъ управляющаго.

Въ октябрѣ того же 1861 г., пріѣхалъ управляющій съ предписаніемъ отъ графа на имя отца, на котораго и вновь уже не замедлили поступать жалобы. Самъ графъ, зная его какъ врага раскольниковъ, въ предложеніи упомянулъ: «...нельзя однакоже ожидать успѣха. если будутъ допущены распри по предметамъ, относящимся до церковныхъ обрядовъ и имѣній о духовныхъ предметахъ». Проектъ уставной грамоты долго не приводился въ исполненіе, но потомъ дѣло это уладилось. Какъ по этому предмету, такъ и по другимъ дѣламъ, которыхъ у отца моего возникло много, онъ поручилъ мнѣ ѣхать въ С.-Петербургъ. Въ эту поѣздку мнѣ представился случай быть у В. П. Безобразова, П. И. Небольсина, Н. Я. Дубенскаго, который представилъ меня предсѣдателю комитета грамотности С. С. Лашкареву. Всѣ они интересовались офенскою книжною торговлею, что я и объяснялъ на сколько могъ и общалъ написать, что мнѣ извѣстно.

¹⁾ Земли при сл. Мстерѣ находятся на 1,167 мужскаго поля душъ, удобной и неудобной, только 881 десятина 46 сажень. И. Г.

Въ 1862 году 27-го января, меня избрали въ члены корреспонденты комитета грамотности при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ обществѣ. По поводу его занятій, Н. Я. Дубенскій былъ со мною въ перепискѣ. Потомъ, я какъ-то надумалъ, сообщая разныя свѣдѣнія, написать коротенькую статейку по вопросу уничтоженія запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ и послалъ К. Н. Тихонравову. Въ большой моей радости эта первая статья появилась въ печати подъ заглавiемъ «Нужно ли имѣть хлѣбъ въ запасныхъ магазинахъ крестьянъ тамъ, гдѣ нѣтъ хлѣбопашества» (№ 19 «Владимірскихъ Губ. Вѣд.» 1862 г.). Появленіе въ печати первой моей статьи поощрило меня, и я сталъ писать прилежно и читать все, что ни попадало подъ руки, особенно разныя изслѣдованія о Россіи.

По соглашенію съ отцомъ, я рѣшился учредить въ пустыхъ, свободныхъ комнатахъ общественнаго зданія волостнаго правленія бесплатную воскресную рисовальную школу и библіотеку для чтенія. Рисовальную воскресную школу я видѣлъ и зналъ въ Москвѣ (она была тогда при Строгановскомъ училищѣ). Дозволеніе послѣдовало; 22-го апрѣля 1862 г., эти учрежденія торжественно были открыты. Мальчики охотно приходили для занятій, имъ нравились преподаваемые мною приемы рисованія, по правиламъ столичнаго преподаванія, и такъ какъ они всѣ дѣти иконописцевъ бѣдныхъ семействъ, то и прилежно занимались рисованіемъ. Число учениковъ доходило иногда до 60-ти человѣкъ; классы продолжались отъ 11-ти до 3-хъ час. пополудни, сообразно съ погодою. Если въ праздникъ было ненастье, то занятія продолжались и дольше. Одновременно съ этимъ ученики брали для чтенія книги, коими пользовались и всѣ желающіе жители. Учрежденія эти были поставлены въ весьма удовлетворительное положеніе; книгъ возрасло до 500 названій, нерѣдко ими присылались и пожертвованія ¹⁾. За это доброе дѣло мои земляки относились не сочувственно, а общественныя распри съ отцомъ возбудили множество дѣлъ и жалобъ на него почти по всѣмъ инстанціямъ, по которымъ (то за справками, то за разъясненіемъ, то за копіями) отецъ очень часто посылалъ меня во Владиміръ. Черезъ эти поѣздки сношенія мои съ К. Н. Тихонравовымъ дѣлались тѣснѣе; онъ также сталъ посѣщать сл. Мстеру и нашъ домъ, нерѣдко не одинъ разъ въ годъ, и помогалъ мнѣ разными совѣтами. Въ іюнѣ 1862 года, проѣзжая для

¹⁾ Отчеты объ этихъ учрежденіяхъ были своевременно помѣщены во «Владимірскихъ Губерн. Вѣд.» № 49, 1862 г. № 22, 1863 г. № 21, 1864 г. № 18, 1865 г. № 26, 1866 г. и перепечатаны въ «Занятіяхъ с.-петербургскаго комитета грамотности».

ревизіи губерніи, посѣтилъ школу и бібліотеку владимірскій губернаторъ генераль-лейтенантъ А. П. Самсоновъ. Онъ говорилъ ученикамъ и жителямъ о пользѣ этихъ учрежденій. Община богатыхъ раскольниковъ, которымъ старшина-отецъ не давалъ пощады и которыхъ постоянно преслѣдовалъ ¹⁾, подала просьбу лично губернатору, а потомъ и ревизовавшему по высочайшему повелѣнію губерніи сенатору А. Х. Кангеру. Отца временно до пріѣзда сенатора удалили отъ должности старшины; сенаторъ, проѣзжая по губерніи, остановился у сосѣдняго помѣщика Е. И. Протасьева, у котораго мнѣ поручено было устроить въ саду иллюминацію и фейерверкъ; болѣе недѣли я провозился съ этими пустяками, но все вышло удачно и сенаторъ остался очень доволенъ. Онъ посѣтилъ мою школу и бібліотеку, и послѣ предписалъ мировому съѣзду посредниковъ: «Что жалоба была подана, какъ онъ замѣтилъ, партією старовѣровъ, враждебною Голышеву». Отца возвели опять на должность; все семейство и многіе знакомые совѣтовали ему послѣ этого обстоятельства—какъ онъ получилъ достойное удовлетвореніе—добровольно отказать отъ дальнѣйшаго служенія, но отецъ, по самолюбію и страсти, опять продолжалъ служить еще съ большимъ мщеніемъ своимъ недоброжелателямъ.

¹⁾ Тогдашній нашъ мировой посредникъ, въ концѣ 1862 года, писалъ отцу частное письмо, въ которомъ говорилъ: «Переданныя мнѣ слова отъ графа Виктора Никитича Панина оказываются справедливы, я меня удивляютъ твои дѣйствія. Вотъ уже я другой годъ служу и дожидаюсь, не будетъ-ли въ тебѣ перемѣны, но къ прискорбію моему я не нахожу ничего, окромѣ твоей мстительности и недоброжелательства ко всѣмъ; но что для меня странно, для чего ты добивался службы? не забудь, что при вступленіи въ оную ты принималъ присягу—неужели для одного мщенія? и что ты съ твоею гордостью и всегдашней злобой можешь получить? кромѣ неприяностей—ничего. Ты съ своимъ характеромъ постоянно думаешь, что всѣ тебѣ враги и желаютъ твоей гибели; я вѣрно знаю, что ты и меня считаешь первымъ тѣснителемъ, а именно за то, что я тебѣ сдѣлалъ только выговоръ; я же сдѣлалъ выговоръ для того, чтобы тѣмъ самымъ дать тебѣ почувствовать твою несправедливость, но ты не покаялъ меня и принялъ это за притѣсненіе. Теперь скажу: обдумай хорошенько всѣ твои дѣйствія даже и противъ меня, а все видѣлъ, знаю и покаялъ тебя, и навѣрно, если бы другой посредникъ на мѣстѣ моемъ, то много бы сдѣлалъ тебѣ зла; ты забылъ, что мщеніе есть смертный грѣхъ, ни законъ, ни служба не терпятъ его, а потому надо сдѣлать одно: или бросить злобу, или оставить службу, а иначе ты можешь погибнуть самъ отъ себя; придетъ время, что все твое мщеніе обратится на тебя, и ты вспомнишь мои слова, но будетъ уже поздно». Въ заключеніе посредникъ писалъ: «И такъ, А. К., прочитай вышесказанное, обдумай хорошенько и увѣдомь меня, на что ты рѣшишься, а ежели ты будешь упорствовать и дѣйствовать по прежнему, то я вынужденъ буду поступить согласно Положенію». Къ сожалѣнію, письмо это нисколько не повліяло на покойнаго отца моего.

И. Г.

Занятій моихъ я не оставлялъ, сообщая статьи для губернскихъ вѣдомостей; нѣсколько сообщеній по книжной торговлѣ доставлено въ комитетъ грамотности съ препровожденіемъ образцовъ народныхъ книгъ и картинъ ¹⁾. Мнѣ еще разъ пришлось по порученіямъ отца съѣздить въ С.-Петербургъ; тамъ я снова видѣлся съ учеными и съ покойнымъ поэтомъ Н. А. Некрасовымъ, который былъ проездомъ въ сл. Мстерѣ и заходилъ къ намъ въ домъ; съ нимъ у меня была небольшая переписка, по поводу его народныхъ изданій. В. П. Бозобразову препровождалъ разныя свѣдѣнія; я отправилъ на его имя статьи—первые мои опыты «объ офеняхъ, книжной торговлѣ и иконописи», съ иконописными подлинниками, альбомами и эскизами иконописцевъ, и образцами иконъ. О нихъ упомянуто въ отчетѣ Императорскаго Географическаго общества за 1862 годъ и за нихъ я удостоенъ званія члена-сотрудника общества ²⁾. Отдѣленіе этнографіи признало справедливымъ присудить мнѣ бронзовую медаль ³⁾. Она была мнѣ выслана почти одновременно съ отчетомъ. Нечего и говорить, что это было радостною неожиданностью для начинающаго крестьянина-самоучки!

Между тѣмъ, вражда отца съ обществомъ и ихъ преслѣдовательныя отношенія, слѣдствія и судебныя дѣла—мнѣ страшно были неприятны; я постоянно мечталъ о выходѣ какъ нибудь изъ общества, и исходъ этотъ могъ представляться въ одномъ: представить въ академію художествъ рисунокъ и просить удостоенія званія некласснаго художника. Въ Москвѣ мнѣ было извѣстно много подобныхъ случаевъ полученія этого званія даже не за свои собственныя работы; рисунки дѣлали другіе за деньги, а просители выдавали ихъ за собственное искусство. Мнѣ тѣмъ болѣе было желательно обратиться съ моею просьбою въ академію, что она, можетъ быть, обратитъ вниманіе на труды мои по воскресной рисовальной школѣ. Рисунокъ, посланный въ академію, изображалъ народный праздникъ. Исполненъ онъ былъ на литографическомъ камнѣ и потомъ раскрашенъ акварелью; при этомъ были приложены 25 рисунковъ ученическихъ школьныхъ работъ.

Это было въ началѣ 1863 года. Изъ академіи я получилъ официальное увѣдомленіе, что рисунки будутъ разсматриваться въ августѣ мѣсяцѣ; самъ я не поѣхалъ въ С.-Петербургъ: по академіи зна-

¹⁾ Сообщенія мои напечатаны: Экономическія Записки № 50, 1862 г. Занятія комитета грамотности, вып. II п VI, 1863 г., №№ 1, 2, 5 и 6, 1867 г.

²⁾ Отчетъ Императорскаго Географическаго общества за 1862 г., стр. 77.

³⁾ Тамъ же, стр. 19.

комства не было, да и денегъ тоже не было, такъ какъ отецъ отпускалъ ѣхать и давалъ для поѣздокъ деньги только тогда, когда нужно было это по его дѣламъ; просить о содѣйствіи не зналъ кого и боялся, что если бы я пріѣхалъ въ Петербургъ, то заставятъ меня жить тамъ и дадутъ новыя работы на просимое мною званіе. Слабость своихъ художественныхъ способностей я сознавалъ и, главное, мнѣ было извѣстно, что нѣкоторые московскіе, не совсѣмъ хорошіе въ искусствѣ, граверы и литографы, получавшіе такое званіе, тратили большія деньги; я боялся, если поручать при академической обстановкѣ работать и особенно скоро, то я могу совершенно растеряться.

Въ томъ же 1863 году, 7-го августа, проѣзжалъ до Нижняго Новгорода и обратно Государь Императоръ. Тутъ мнѣ пришла мысль поднести Его Величеству нѣкоторые виды своей работы. На обратномъ пути Государя Императора, отецъ мой, какъ старшина, прибылъ на станцію «Мстера» желѣзной дороги, съ хлѣбомъ-солью. Народу было безчисленное множество, но поѣздъ не остановился; Государь Императоръ имѣлъ послѣ-обѣденный отдыхъ. Отецъ вернулся домой, а я остался на станціи, чтобы вечеромъ ѣхать съ поѣздомъ во Владиміръ: не удастся-ли тамъ.... На станцію же пріѣхалъ сосѣдній со мной помѣщикъ Е. И. Протасъевъ; на спросъ о моей поѣздкѣ, я объяснилъ ему. Онъ сказалъ, чтобы утромъ я приходилъ къ нему во Владиміръ. Все это я исполнилъ; въ домѣ отца его, предводителя дворянства, И. А. Протасъева, остановился шефъ жандармовъ князь Вас. А. Долгоруковъ, и предводитель общалъ мнѣ свое содѣйствіе. Меня послали въ домъ дворянскаго собранія, въ которомъ я до этого никогда не бывалъ. Здѣсь соизволилъ остановиться Государь Императоръ. Я сталъ у подъѣзда въ числѣ громадной толпы народа, но меня скоро оттолкнули, а полиціямейстеръ просто отогналъ, не принявъ никакихъ моихъ объясненій, да еще и выругался. Тутъ присовѣтовалъ мнѣ случайно встрѣтившійся небольшой чиновникъ—идти прямо въ домъ. Я робко вошелъ въ двери, по сторонамъ которыхъ стояли два черкеса. Замѣтя, что меня не гонятъ и ничего не спрашиваютъ, я сталъ у окна, и постепенно снялъ калоши, потомъ верхнее пальто, а когда увидалъ подъѣхавшаго предводителя, то открылъ спрятанную до сего въ платкѣ папку съ рисунками, съ отпечатанными на ней золотыми буквами Августѣйшаго Имени. Потомъ подошелъ къ входившему въ подъѣздъ предводителю. Въ соборѣ заблаговѣстили къ обѣднѣ; прошло не болѣе полчаса; предводитель, сбѣгая по парадной лѣстницѣ, махнулъ мнѣ рукой и сказалъ, чтобы я шелъ за нимъ; онъ оставилъ меня на лѣвой сторонѣ двери выхода изъ внутреннихъ покоевъ, предъ самую лѣстницу, а направо стояли крестьяне ближнихъ во-

лостей съ хлѣбомъ-солью. Первымъ изъ дверей вышелъ предводитель и сталъ со мной рядомъ; за нимъ вышли князь Долгоруковъ и графъ Адлербергъ 2-й. Они что-то спросили меня, а предводитель объяснилъ мнѣ о поднесеніи моихъ трудовъ Государю Императору. Князь и графъ остановились тутъ же, а самымъ первымъ по выходу находился я.

Государь, поздоровавшись съ крестьянами, быстро подошелъ ко мнѣ и спросилъ: «Это что такое?»

Я вкоро объяснилъ и не растерялся; папку я держалъ въ рукахъ.

Государь Императоръ милостиво просматривая рисунки (ихъ было семь и въ концѣ приложенъ печатный отчетъ о рисовальной школѣ съ библиотекой), при каждомъ изволилъ спрашивать «это что?» я отвѣчалъ и объяснялъ рисунки.

Затѣмъ Государь изволилъ спросить: «Ты гдѣ учился?» Я отвѣчалъ, что въ Строгановской школѣ. Государь сказалъ: «А, это въ Москвѣ», соизволилъ милостиво принять альбомъ, произнесъ «благодарю» и, передавая губернатору А. П. Самсонову, слѣдовавшему за нимъ, приказалъ:

— «Отдайте мнѣ на желѣзную дорогу, я разсмотрю».

При этомъ Его Величеству предводитель дворянства доложилъ, что я крестьянинъ изъ его уѣзда, а губернаторъ—какъ о членѣ статистическаго комитета. Его Императорское Величество еще повторилъ весьма милостиво, «благодарю» и отправился въ соборъ.

Когда я сходилъ съ лѣстницы, кто-то изъ придворныхъ чиновниковъ сказалъ мнѣ, что меня нужно записать, но какъ я объяснилъ, что на папкѣ есть и мое званіе, то тутъ же отпустили. Вскорѣ чрезъ губернатора я удостоился получить Всемиловѣйше пожалованные отъ Его Величества золотыя часы за это поднесеніе. При поднесеніи я находился въ какомъ-то особенномъ восторгѣ; долго не могъ послѣ придти въ себя, тѣмъ болѣе, что выпала мнѣ счастливая доля отвѣчать на нѣсколько вопросовъ Государя и глядѣть прямо въ Его очи! Не знаю, не понимаю, какъ я не растерялся и не оробѣлъ.... Предводитель послѣ не одинъ разъ упоминалъ, что я хорошо отвѣчалъ Государю. Очнувшись отъ восторга, я бросился къ К. Н. Тихонравову, который еще ничего не зналъ, и онъ порадовался отъ души. По полученіи подарка отъ Государя Императора, я сообщилъ о томъ В. П. Безобразову, равно и о предстоящемъ въ этомъ мѣсяцѣ дѣлѣ по академіи художествъ. Въ исходѣ 1863 года я получилъ отъ него увѣдомленіе и, по болѣзни глазъ—диктованное имъ письмо, въ которомъ онъ, къ огорченію, извѣщаетъ, что мое письмо было получено въ С.-Петербургѣ во время его пребыванія въ деревнѣ, и ког-

да онъ вернулся, то было поздно и въ академіи въ просьбѣ моей отказано. Академія художествъ выслала рисунки мои съ увѣдомленіемъ, что рисунки признаны неудовлетворительными. Я началъ усерднѣе и усиленнѣе писать для владимірскаго статистическаго комитета, исполняя его порученія, а къ его изданіямъ ¹⁾ прилагать бесплатно литографированные рисунки и виды. Также началъ обращать вниманіе на этнографію, предметы промышленности и археологію, учился разбирать старинныя рукописи и акты; въ затрудненіяхъ нерѣдко оказывалъ мнѣ содѣйствіе и помогалъ мнѣ словомъ и дѣломъ почтенный и уважаемый К. Н. Тихонравовъ ²⁾.

Слобода Мстера.

Ив. А. Голышевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Съ 1863 года Владимірскаго статистическаго комитета началъ издавать «Труды», коихъ вышло 10 выпусковъ.

²⁾ Книгъ по археологіи и другимъ изслѣдованіямъ я не имѣлъ, да и негдѣ было взять здѣсь; въ частныя поѣздки во Владиміръ по дѣламъ отца, я, находясь тамъ по нѣсколькимъ днямъ, разсматривалъ таковыя у К. Н. Тихонравова, а также и разныя журналы; нѣкоторые изъ лишнихъ у него онъ мнѣ дарилъ, а изъ другихъ я выписывалъ необходимыя матеріалы, для чего и просиживалъ цѣлыя ночи; нѣкоторые источники увозилъ съ собою, и по выпискѣ матеріаловъ пересылалъ обратно; переписка съ г. Тихонравовымъ была постоянная; у меня множество его писемъ. Въ слободѣ Мстерѣ не съ кѣмъ посоветоваться, не съ кѣмъ бывало промолвить слова по отношенію къ наукамъ: не только не получали здѣсь журналовъ, но и газеты дешевой цѣны были чрезвычайно рѣдкостью.

И. Г.